

Галинковский. Я. А.

amor omnia vincit.
часы
ЗАДУМЧИВОСТИ
сочинение
Іакова Галинковскаго

ЧАСЫ

ЗАДУМЧИВОСТИ.

— Dear Sensibility! ſource inexhauſted of all that's precious in our joys or coſtly in our ſorrows! —'tis here j trace thee- and this is thy Divinity which ſtirs within me —

Sterne.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

ВЪ СЕНАТСКОЙ ТИПОГРАФІИ У В. О.

1799.

Драгоцѣнная чувствительность! источникъ неизчерпаемый всего того, что милѣе въ радостяхъ нашихъ, — что отраднѣе въ скорбѣхъ нашихъ! — Здѣсь изображаю тебя — и сїя твоя божественная сила движется внутри меня. — —

Стернъ. —

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МОСКОВСКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Естьли читатели, не найдутъ въ сочиненїи моемъ той нѣжности, того выраженїя, той привлекательности, которыми прославились новѣйшїе наши сочинители, то пускай припишутъ разсѣянности и образу моего состоянїя, которое съ лишкомъ удалено отъ спокойствїя кабинетной музы. — Часто въ безпрерывномъ шумѣ въ какомъ нибудь уголкѣ, а иног-

да и на колѣнѣ, остановя на минуту, теченіе разсѣянныхъ мыслей, на особыхъ лоскуткахъ бумаги, писалъ я каждый часъ, давъ волю чувствамъ моимъ безъ плану и цѣли. — Доколѣ, прекрасная Сивилла, волшебнымъ своимъ искусствомъ собрала ихъ вмѣстѣ, и удостоила принять мои Часы Задумчивости, какъ даръ сердца ее обожающаго. —

Іаковъ Галинковскій

1798 года.
Іюня 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

Молодой человѣкъ, влюбленный въ прекрасную дѣвушку, въ часы своея задумчивости, ввѣряетъ вздохи печали своея безмолвной природѣ, и останавляетъ чувствительное сердце на всѣхъ предмѣтахъ его окружающихъ, которые кажется, принимаютъ участіе въ его горести. —

Но отъ чего же вздыхаетъ молодой влюбленный человѣкъ? — безъ любви нѣтъ щастія, говоритъ онъ; однакожъ онъ нещастливъ. — Онъ нашелъ несклонную любви его, которой сердце, отдавшись заразѣ милыхъ глазъ давно уже о другомъ вздыхало. —

Поздо узнаетъ онъ свое заблужденіе. Жестокая склонность столь сильно имъ овладѣла, что онъ доходитъ до отчаянія. — Наружности умножаютъ его мученіе, и онъ едва осмѣливается ждать отъ времени и терпѣнія конца своему нещастію.

Прелести обожаемой. . . одни представляются ему въ сонныхъ мечтаніяхъ. Въ глубокой задумчивости онъ обращаетъ взоры свои къ небу и жалуется на свою судьбину. Скучаетъ жизнію — и желаетъ или побѣдить милую несклонную, или разорвать оковы обременяющія духъ его.

Но подъ конецъ — сцена чувствительно перемѣняется.

Старанїе молодаго человѣка, его привязанность, дружба, непреодолимая склонность обращаютъ на себя, внимательные взоры равнодушной красоты. — Милая нерѣшимая [*Belle indecise*] боится сказать, что она видитъ въ немъ что-то нѣжнѣе друга — боится также предать его мучительной тоскѣ, которая вездѣ какъ тѣнь слѣдовала за его шагами.

И какое человѣколюбивое сердце спокойно можетъ принимать жертву такого страданїя! Какая чувствительная душа не содрогнется при взорахъ отчаяннаго, котораго рука безтрепетно выпиваетъ чашу смерти, и хочетъ ею угасить жестокїй пламень, который питать, ти-

ранка, его запрещаетъ? — И сей *вторый злополучный Вертеръ* не уже ли не оставитъ въ каменномъ сердцѣ ея вѣчной укоризны, которая бы какъ лютая змiя терзала ее день и ночь, какъ терзался онъ, отъ любви къ несклонной? Не уже ли голосъ человѣчества обиженнаго не будетъ вопить къ небу, требуя отмщенiя невинной крови своей! Дикая пустыня должна скрыть ея, отъ друга человѣчества, который всякiй разъ упрекнетъ ее безчеловѣчною — убiйцею. — Мертвы для нее общества; уны лы веселiя; по всюду слѣдуетъ за нею тѣнь мрачная отчаяннаго любовника, и представляетъ ей обагренное желѣзо; оружiе, которое она избрала къ пагубѣ его.

Обманчивые взоры! — Не для васъ свѣтитъ блистательное солнце — не для васъ простирается лазурь небесъ надъ главою смертнаго — двери гроба скрежещутъ вереями своими. — Ярящїеся фурїи встрѣчаютъ васъ съ пламенниками своими, и повторяютъ страшнымъ голосомъ слова упрекающаго тиранку свою, страдальца: „Жестокая! — Ты влила въ ду„шу мою пагубную отраву, ко„торая помрачила наилучшїе спо„собности ума моего, ты не„склонностью своею принудила „оставить свѣтъ, въ самые „лучшїе годы жизни моея, — ты „рукою отчаянїя низвергла меня „въ бездну золъ — и духъ мой „отверженный природы, ски-

„тается во мракѣ тартара —
„бечеловѣчная! прїидетъ время,
„когда Всевидящее Существо
„сжалится надъ муками моими,
„отмстивъ жестокость твою —
„оно сжалится — и освободитъ
„угнѣтенную душу любовїю къ
„тебѣ, и даже въ безпредѣльныхъ
„недрахъ вѣчности. —"

Но сердце милой моей героини, не было ни такъ звѣрско — ни такъ нечувствительно. Мечта привязанности ея къ другому изчезла, и утѣшительная надежда ободрила унылый духъ зудумчиваго любовника. —

Дѣйствїе происходитъ въ Городѣ П*** мѣсто, гдѣ живетъ прекрасная. . . . назначено въ замкѣ Та*** А молодой че-

ловѣкъ бродитъ въ задумчивости своей по берегамъ Е* * * К* * *. Часто въ прiятныхъ окружностяхъ города, по лугамъ и безмолвнымъ рощамъ. Часто въ кабинетѣ — и проч. . . .

Имя моей героини *Элиза.* — Я выбралъ ее предпочтительно Овидiевой *Коринне*; Петрарховой *Лаурѣ*; Абелардовой *Елоизѣ*; Парнiевой *Елеонорѣ*; Свифтовой *Ванессѣ*; Роландовой *Ангеликѣ* — и проч. за то, что имя ее здѣлалось обожаемымъ чрезъ нѣжныя письма друга чувствованiй моихъ — трогательнаго Стерна. Въ прочемъ по подражанiю ли то, или по модѣ, *Элиза* всегда останется любимое имя въ моихъ бумагахъ. — Оно замѣняетъ всѣ

надписи, просвященія, — предисловія, и заключаетъ въ себѣ столько смыслу, сколько кому угодно. —

ЧАСЫ ЗАДУМЧИВОСТИ.

Луна.

Приди грустить со мною
Луна печальныхъ другъ.

Капнистъ. —

Утомленныя задумчивости безмолвная утѣшительница! о Луна! — Ты выплываешь изъ лазоревыхъ полей, западнаго

горизонта освѣщать снотворные предѣлы круговъ полунощныхъ? Возлюбленная подруга Солнца! Коль величественно, коль блистательно склоненіе лучей твоихъ на дремлющую землю! Кто можетъ уравниться въ теченіи твоемъ — звѣзды, подобно, служащимъ Нимфамъ, наклоняютъ предъ тобою свои смиренныя чела, и едва дерзаютъ слѣдовать стезею ногъ твоихъ. — Ничто не можетъ затмить сіяющаго круга твоего; самые облака, носимые въ пространствѣ воздуха крылатыми вѣтрами, удаляютъ мрачную одежду ихъ отъ лучезарныхъ твоихъ очей. Наступаетъ ли туманная осень и наполняетъ атмосферу суровыми непогодами — прибли-

жается ли сѣдая зима и застилаетъ землю пушистымъ снѣгомъ — приходитъ ли весна дождливая — ты постоянно продолжаешь блистательный ходъ твой по тверди небесной. Сколь прекрасна ты въ измѣнїяхъ своихъ, подобныхъ измѣненїямъ пристрастїй сердца смертныхъ! --- Твой сребровидный шаръ плаваетъ въ синѣющихъ предѣлахъ воздуха, и кротко освящаетъ лучами своими, то зыблющїяся воды, то молчаливыя рощи, то зданїя огромныя. — Задумчивая Ночь украсившая чело свое маками, и одежду свою звѣздами, держа въ рукѣ своей Гебеновой Скипетръ, возсидитъ въ величїи на колесницѣ изъ согбеннаго полукружїя твоего и объѣз-

жаетъ вокругъ усыпленнаго мiра сего; — межъ тѣмъ, какъ мрачное покрывало ея возвѣваемое (черными) сажевыми крилiями Морфея, и провожающихъ его Генiевъ мечты и грезъ, устилаетъ путь скачущимъ конямъ ея, прелетающимъ воздухъ быстрѣе огненныхъ струй молнiи. — Тобою украшается она; тобою полезна она мореходцу; тобою благодѣтельна путешественнику; тобою благопоспѣшна трудолюбивому земледѣльцу. Безъ тебя бы владычество ея преобратилось въ мрачную, обуреваемую дикими вѣтрами пустыню, гдѣ слышенъ свистъ змѣй и вой волковъ пронзающихъ робкое ухо смертнаго. При взорахъ твоихъ и самый сонъ, носимый на влаж-

номЪ облакѣ не изпускалЪ бы на упомленныя вѣжди сЪ толикою нѣгою своихЪ снотворныхЪ маковЪ. —

Дозволь, милое свѣтило, открыть тебѣ горести души моея — Твоя благосклонная улыбка извлекаетЪ довѣренность моей горести; буди нѣмою свидѣтельницею воздыханій моихЪ; буди другомЪ печальнаго — можетЪ быть онЪ получитЪ отраду когда будетЪ грустить сЪ тобою. —

Когда безмолвная Природа, погруженная вЪ спокойномЪ снѣ открываетЪ мнѣ блистательное зрѣлище теченія твоего — когда блѣдными лучами своими отдѣляешь ты унылые тѣни ночнаго мрака — когда сЪ высоты балкона вперяю я взоры

мои, въ твои нѣдра, возлюбленная дщерь нощи, то чувствую въ душѣ моей нѣчто усладительное, кроткое, задумчивое. — Чувствительность моя пробуждается; духъ мой летаетъ въ кругахъ планетъ, между которыми ты обращаешься. — Прекрасная! можетъ быть и въ твоихъ блистательныхъ нѣдрахъ есть существо печалїю помраченное. — Можетъ быть и оно подобно мнѣ взираетъ въ предѣлы отдаленнѣйшїя и жалуется на свое жилище. Но нѣтъ, горесть не причастна твоему владычеству; она есть доля смертныхъ, рожденныхъ подъ тобою въ сей странѣ печалей и суетности — гдѣ серце чувствовать научившееся, не рѣдко на

часахЪ быстрокрылатаго време ни, всякую минуту слезою оро шаетЪ. — Часто вЪ веселїи ду- ха, говоритЪ оно сЪ нѣжнымЪ СтерномЪ: „Любезная чувстви- „тельность! неизчерпаемый ис- „точникЪ всего, что есть дра- „гоцѣнно вЪ нашей радости и „утѣшително вЪ нашей печали! „вѣчный корень чувствованїй — „здѣсь изображаю тебя и проч“ Часто онЪ называетЪ ее даромЪ неба; но увы! для чего сей дарЪ неба подобенЪ двуличному Янусу, или полусогнившему пло- ду, который, сЪ одной стороны прелщаетЪ румянностїю своею глазЪ садовника, а сЪ другой изображаетЪ слѣды тлѣнїя и ис- порченности! ——

О сердце — сердце людей, кто можетъ постигнуть, твои чувства, твои склонности, твои страсти? —

НОЧЬ.

Dans le fond de foret votre image me ſuit. —
La lumiere du jour, les ombres de la nuit
Tout retrace à mes yeux les charmes qne J'èvite
Racine.

Великолѣпная Богиня нощи, достигаетъ уже половины своего теченія. Ея блистательный шаръ подобенъ златовидному щиту. Она кротко взираетъ сквозь стекла дому моего уединеннаго,

и рисуетъ сребровидные ихъ оттѣнки, на коврахъ покрывающихъ обширность моего кабинета. — Вездѣ тишина глубокая. — Тѣни нощи закрываютъ огромныя зданія и улицы. — Вдали небеснаго уклона темнѣютъ поля и горы. Осѣнній вѣтеръ гоняется за поблекшими листками, слетѣвшими съ окружныхъ деревъ; и ехо по водамъ едва доноситъ ко мнѣ голосъ проснувшагося съ полночью пѣтуха, на уединенной мызѣ островов отдаленныхъ.

Я одинъ съ моею грустію; сижу въ большихъ креслахъ въ глубокой задумчивости и обращаю взоръ мой въ ту страну, гдѣ живетъ мучительница моего

сердца. — Собачька извиваясь клубкомъ на свѣтлости луны храпитъ; а коварная мышь пробѣгая темноту карнизовъ, выходитъ въ тѣни нощной на свои вредные промыслы. Ея грызенїе щекочитъ мое ухо; я топаю ногою и трясенїе струны моея скрыпки лежавшей на кульпетѣ (*) возбуждаетъ томное ехо усыпленной Мелодїи. Оглядываюсь, беру смычокъ Maudit par Apollon играю, и чувствительность моя раждаетъ новый отпечатокъ моея грусти.

(*) Рамки на которыхъ ноты кладутъ.

ADAGIO. (*)

Перестань мой духъ смущаться
И тревожить нѣжну грудь.
Перестань въ нее влюбляться,
И несклонную забудь.

Естьли взоръ мой неявляетъ
Чувствій сердца моего,
Естьли огнь кѣмъ духъ пылаетъ
Не примѣтенъ до сего.

То на чтожъ тебѣ Природа,
Чувство нѣжное дала,
Иль на то, чтобъ бывъ столь
горда,
Ты столь милою была.—

(*) Стихи здѣланы къ случаю, въ скоропостижности, и болѣе для музыки — читатели, простятъ мнѣ, ихъ нерадѣніе и не гладкость.— Сочин...

Я хоть чувствомъ понимаю,
Что таишь ты къ сердцу путь;
Но виновенъ ли коль знаю,
Что умѣлъ тебя тронуть?

Что не разъ та вѣсть щастлива
Дружбой ввѣренная мнѣ,
Говорила справедливо,
Что и я былъ милъ тебѣ.

Не тщеславный, какъ и прежде
Я въ тебѣ одной искалъ —
И пріятной сей надеждѣ
Мѣста въ сердцѣ не давалъ.

Minore.

Но ты желала — бывъ сурова
Или хотя суровой быть,
Лишь удовольствія такова
Чтобъ бывъ любимой — не любить.

Чтобъ чувствовать и въ сердцѣ та-
яшь,
Чтобъ страстно мыслить, но мол-
чать ;
Того, кто милъ тебѣ — отчаять
И огорчить и обожать.

Но пусть коль сердцу твоему
Пріятенъ токъ такихъ премѣнъ.
Увы ! хоть къ горю моему
Я долженъ сей оставить плѣнъ.

Majore.

И найти такую душу,
Чтобы чувствовать могла
Нѣжной страсти не наруша
Не гордабъ въ любви была. —

Чтобы уважала цѣну
Сердца пламеннаго ей
И въ любовникѣ премѣну
Участи нашла своей.

Въ которой бы очахъ прекрасныхъ
Блаженство я свое читалъ, —
Изъ устъ ея невинныхъ, страстныхъ,
Языкъ любови я внималъ.

Которой образъ неразлучный
Съ любезною для ней душой
Минуты радостны и скучны
Дѣлилъ охотно бы со мной.

Чтобъ мы дни наши провождая
Безъ скукн въ краткой жизни сей—
Могли другъ другу угождая
Щастливѣй быть самыхъ Царей.

* *
*

Final.

Перестань мой духъ смущаться
И тревожить нѣжну грудь.
Перестань въ нее влюбляться,
И несклонную забудь.

Пусть ее всѣ люди страстны,
Хвалятъ прелесть — хоть весь свѣтъ.
Мнѣ лишь чувства тамъ прекрасны,
Гдѣ въ нихъ искренность живетъ.

*　*
*

Я окончилъ, и положилъ смычокъ. — Лучь яркій палевыя луны, ударялъ чрезъ окошко на разбросанныя бумаги и книги лежавшія на моемъ столѣ. Межъ ними развернутая, привлекла мои взоры, это Расинъ — нѣжный Расинъ, сказалъ я — ахъ твой пламенный Гипполитъ никогда не бывалъ болѣе моимъ другомъ — я брожу съ нимъ по уединеннымъ рощамъ; ввѣряю тѣнямъ нощи, ввѣряю свѣту дня вздохи томные, и возбуж

даю дремлющее эхо именемъ возлюбленныя Элизы. — Чувствую, сколь жестоко покоряетъ меня любовь — сопротивляюсь, бѣгу, и опять ищу милаго образа, котораго убѣгаю. —

ШЛЮБКА.

Presente je vous fuis, absente je vous trouve.
Racine.

Сколь прекрасно чело твое возвышенное на синемъ небѣ, Владычица тѣней! Твоя благорастворенная прохлада, умѣряетъ воздуха теплоту, и твои блѣдныя лучи разсѣянныя на высокихъ башняхъ П* * *, отдѣляютъ ихъ

среди мрака, покрывающаго все пространство города. О! коль пріятно взирать на кротость сіянія твоего, когда востекая на горизонтѣ верьху высокихъ древесъ осѣняющихъ священное мѣсто ограды Н.. Н.. переломляешь ты сребристые лучи свои въ зыблющихся волнахъ канала Е... когда огромная колокольня оттушеванная, съ своею колонадою, корнизами, и высокимъ спицомъ, тѣнями нощи, рисуется кистію природы на водахъ, омывающихъ гранитное ея подножіе.

Великолѣпная шлюбка несущая въ раззолоченномъ челнѣ своемъ покрытымъ зеленымъ зонтикомъ, веселую бесѣду (*Compagnie*)

юношества, гуляющаго съ милыми своими, въ тѣни прохладнаго вечера, заманила далеко взоръ мой, прежде уклоненный въ кристаллы водъ, гдѣ холодная луна тихо переливала блещущія лучи свои отъ волны къ волнѣ. — Опершись на желѣзную решотку — которая не рѣдко приводитъ въ память мнѣ стучащіе млаты Циклоповъ Етнїйскихъ, по гласу могущественнаго Бога сокрушающихъ ударами звонкіе металлы, опершись внималъ я кроткому и размѣрному шуму веселъ пѣнящихъ скачущую воду около груди шлюбки. Матросы одѣтые въ красные камзолы, съ ихъ черными шляпами, украшенными разноцвѣтными перьями, представляли прекрасной видъ,

когда они уклонялись и подымались, какъ рядъ лебедей на воздухѣ гуляющихъ надъ озеромъ. Гармонія ихъ протяжной пѣсни, возбуждала удаленное эхо, и разливалась по водамъ.— —

Я чувствовалъ возбужденіе зависти въ сердцѣ моемъ, толико сродной въ то время, когда мы никакого въ свѣтѣ блаженство вкушать не можемъ.

Вы щастливы, говорилъ я, вы имѣете молодыхъ подругъ, которые забавляютъ ваше воображеніе невинными разговорами, пріятными улыбками — наполняютъ сердце ваше нѣжными чувствіями — обожаютъ васъ и взаимно обожаются; а я! — я оставленный горести моей, стою у

канала, и со всякою притекшею волною отъ берега гдѣ живетъ милая моя тиранка, испускаю тяжелый вздохъ угнѣтающій грудь мою.. — Ищу утѣхи моей въ Природѣ, жалуюсь, и не нахожу внемлющаго жалобамъ моимъ, — Прощайте, милые друзья, удалитесь отъ берега гдѣ нещастный присудствіемъ своимъ, возмутить можетъ и ваше блаженство. Вы не можете усладить горести моего сердца. Вы не можете помочь вздохамъ его — Вы не можете сострадать и плакать съ нимъ вмѣстѣ. Прощайте — пусть шумныя забавы занимаютъ ваши чувства и сладкій сонъ подъ звѣздою Ореадъ (*)

(*) Звѣзды являющіяся около полуночи и проч. . .

увѣнчаетъ главу вашу благотворительными своими маками.

Я поклонился имъ — и ушелъ домой —

КАМИНЪ.

Si je ſuis criminel, pardonnez un beau crime.
Mon coeur en eſt l'auteur, qu'il en ſoit la victime.
Ovide.

Пока скрывается блистательное сїянїе безмолвнаго свѣтила, въ темныхъ облакахъ запада, и только возникшая ве-

черняя звѣзда предвѣщаетъ ее пришествіе, да пылаетъ алой огонь въ каминѣ моемъ! — Мѣлкой дожжикъ стучитъ въ стекла моихъ окошекъ — дрожь проникаетъ мое сердце — я недомогаю — мысли неспокойные тревожатъ душу мою. — Ахъ! какъ жалокъ чувствительной человѣкъ, говорю я съ *Авторомъ Алексиса*; но можетъ быть безъ сей чувствительности не былъ бы онъ ни такъ щастливъ, ни такъ злополученъ. — Надобно по сему выбирать — а посредственность мнѣ не нравится —; но оставимъ разсужденія — я придвинулъ стулъ, и сѣлъ у огня. —

Какъ пріятна теплота разливающагося пламеннаго уголья,

грѣя тѣло охладѣвшее! — Она подобна тому пламени любви, которой одушевляетъ мое сердце, и котораго никакое дыханïе вѣтра посторонняго угасить не можетъ, — которой не есть пламенъ соломы, вспыхнувшïй, потухающïй и оставившïй по себѣ сѣрый пепелъ безъ малѣйшаго нагрѣтïя. — —

Пускай течетъ сей священный огнь любови въ жилахъ моихъ, воспламеняетъ чувства мои, и возвышаетъ мое краснорѣчïе и мою душу. —

Воображенïе представляетъ мнѣ образъ твой владычица печальнаго моего сердца! — Дозволь, чтобъ нѣсколько минутъ

посвятилъ я на твое воспоминіе — я теперь одинъ у моего камина — можетъ быть и ты одна въ твоемъ великолѣпномъ замкѣ, гдѣ прежде жилъ герой сломившій рога возрастающей лунѣ музульмана.

БАРЕЛІЕФЪ.

Съ какимъ удовольствіемъ вперя взоръ мой въ изваянный на каминѣ Барельефъ (*), изображающій косматаго льва, которому сидящій на хребтѣ его купидонъ раздираетъ ревущій зѣвъ, межъ тѣмъ какъ товарищъ его за спиною играетъ подъ тѣнію раковины, представляющей куд-

(*) выпуклая лѣпная работа.

рявый хвостъ его, — читаю я надпись внизу (*): *Любовь все побѣждаетъ*. — Тутъ въ памяти моей разливается звонкое эхо возклицанія, достойное безсмертнаго пѣвца Енейды (**) — Я воспоминаю отчаянную Дидону — жестокость любовной страсти — ея мученіе и тоску въ отсудствіи возлюбленнаго, но неблагодарнаго Енея, и сравнивая отсудствіе сіе съ моимъ положеніемъ, до того разстроиваюсь, что плачу какъ ребенокъ — вижу въ пылающемъ огнѣ сію блѣдную жертву съ увядшими на вѣки красотами съ обагрив-

(*) Подножія (*pied'estal*)
(**) *Improbe amor quid non mortalia pectora cogis.* — *Virgil*

шею одежды ея раною, гдѣ блистаетъ смертоносное желѣзо — вижу трепещущую Анну въ слезахъ — и — — — прощаю слабости смертныхъ.

ВЕРТЕРЪ.

Глаза мои встрѣчаютъ на кругломъ столикѣ стоявшемъ близь меня корзинку съ тобакомъ, трубку — — а тамъ — шпоры — — и — — — вынутые Жакомъ изъ сѣдла — мои пистолѣты. --- Какая нечаянность! -- Какое сходство! — Кто вздумалъ положить возлѣ нихъ Вертера? —

Злощастный молодой человѣкъ! — для чего столь сильно жестокая страсть овладѣла то-

бою! Для чего съ такою жадностїю чувства твои впивали сладкїй ядъ, которой долженъ былъ заразить самые прїятнѣйшїе дни твоея жизни! —

Но кто возмогъ давать законы для сердца и его склонностей? — . . . .
. . . .

Жестокость страсти увлекаетъ чувства мои далѣе границъ разума? — О любовь! когда сердце смертныхъ насладится одною прїятностїю твоею, не вкусивъ вмѣстѣ горестей усѣивающихъ крылатый бѣгъ твой! — Знаю сколь сильно покаряюсь твоимъ оковамъ; но для чего желаю лучше носить сїи оковы, нежели отвергнуть милый плѣнъ? — Обман-

чивая! — Доколѣ взоръ твой будетъ предписывать душѣ моей законы? —

МЕЧТА.

Угасаетъ багровое уголья камина, и предметы окружавшіе меня закрываются темнотою — и сей свѣтозарный огонь горящія березы для того пылалъ, чтобъ послѣ угаснуть! О временность! — Все стремится къ концу своему — все уничтожается — изчезаетъ — Неужели и сіи чувства, неизчерпаемые источники удовольствій и горестей въ жизни, должны будутъ нѣкогда возвратиться къ своему ничтожеству? — Нѣтъ прекрасная Элиза! — Жаръ серд-

ца моего во вѣки не угаснетъ. Когда онъ есть приспрастїе души безсмертной, она должна прейти съ симъ пристрастїемъ за предѣлы вѣчности. — Со мною милый твой образъ Элиза пойдетъ къ тѣнямъ гроба — со мною предстанетъ во свѣтѣ невечернемъ — въ сонмѣ безплотныхъ Ангеловъ; и ежели всеобщїй Отецъ нашъ прїуготовляетъ мнѣ на лонѣ его нѣкое блаженство, то оно будетъ въ сїянїи бытїя моего съ бытїемъ твоимъ! —

Часъ по полуночи! — стукъ колокольчика умираетъ по степенно въ органѣ слуха моего — я подхожу къ окошку — вдали воздушнаго Океана блестятъ молчаливые звѣзды. —

Безпредѣльность, Непостижимость, Вѣчность — я не дерзаю изображать васъ чертами *Вещества* въ умѣ моемъ — обожаю — — и безмолвствую. —

Такъ протекаютъ часы отсудствія моего съ тобою, несклонная, но давно уже милая сердцу моему Элиза. — — Воспоминаніе о тебѣ столь дорого душѣ моей, что оно преодолѣваетъ всѣ очарованія сна — за всякою мыслію — за всякимъ біеніемъ сердца слѣдуетъ за мною, и ежели часто уноситъ съ собою тяжелый вздохъ груди моей, то по крайнѣй мѣрѣ облегчаетъ тѣмъ горести сердца моего. — Прости — и будь спокойнѣе меня. —

ЛЮБОВЬ.

Without Love no hapiness,
Paradise Lost. — Milton. — book VIII.

РОЩА.

Печальныя тѣни густозеленыхъ древесъ! — вы — коихъ шумные верхи — уклоняются надъ спокойною поверхностїю дремлющихъ водъ! — Примите

подъ кровъ свой вздохи унылаго гонимаго любовію; [но нѣтъ блаженства ее притекшаго въ безмолвіи вашемъ] пускай уединенное эхо повторяетъ имя прекрасной Амариллиды *** и доноситъ къ ней на крылахъ Зефира голосъ чувствъ моихъ, которые рано, или поздно должны умягчить несклонное ея сердце. —

А ты вытекающая изъ зачернѣющихся горъ отдаленности багровая луна; сіяй сквозь зеленые своды безмолвной рощи! — Печальный сынъ природы, пришелъ грустить съ тобою на сіи мрачные берега, где благотворный сонъ разсыпалъ маки свои надъ очами жителей воздуха и

*** Эклога Виргиліева.

земли — буди внемлюща голосу нещастнаго любовника — и вспомни, что нѣкогда и ты лобзала взорами своими несклоннаго Эндиміона (*).

Но какая сладостная Гармонія, разливается въ пространствѣ твоихъ сводовъ и прерываетъ тишину спокойнаго вечера! — Какая волшебная рука открываетъ плѣнительные тоны его одушевленной флейты, и ввѣряетъ отголоску извивистые ноты пѣсни своея? — Молчитъ журчащая струя и вѣтръ не смѣетъ колебать высокаго тростника одѣвающаго дерновое ея

(*) Пастухъ прекрасный — въ котораго Діана или Луна влюбилась. —

прибрежіе. — Внимая очаровательную музыку, уединенный рыболовъ, остановляетъ межъ синихъ волнъ колеблющійся челнокъ, выпускаетъ изъ рукъ трепещущую рыбку на удѣ, и прогоняя упругую воду весломъ своимъ, катится поспѣшно по зыбямъ ея — и причаливаетъ къ острову, откуда внемлется голосъ прельщающій ухо смертнаго. —

ЛЮБОВЬ.

Without Love no hapiness,
Paradise Lost. — Milton. —
book — VIII.

Между высокими малиновы ми кустами подъ развѣсистою

сосною вижу я стоящаго юношу, подобнаго Аркадскому пастушку въ Геснеровыхъ Идилліяхъ; его прекрасные темнорусые волосы дѣлясь большими локонами развѣвались по плечамъ. Его взоры голубые обращены къ небу; пунсовый румянецъ, ознаменовавшій восторгъ чувствъ его украшаетъ полные щечки, самихъ Грацій руками прельщать сотворенные. Естьли Орфей, (*) когда либо обворожалъ вниманіе человѣковъ, и одушевлялъ камни и лѣса, то онъ не могъ имѣть ни пріятнѣйшаго виду, ни привлекательнѣйшаго пѣнія безсмертной его флейты. — Какое выраженіе! какой восторгъ! какая пріятность, какое чувство, ды-

(*) Славный музыкантъ на лирѣ.

шутѣ въ каждой нотѣ, вырывающейся изъ лона гармонїи, подъ его быстрыми перстами! — Самый соловей — любимецъ Аонидъ, со всѣмъ невыразимымъ и не подражаемымъ пѣнїемъ своимъ остается онѣмѣлымъ при звукахъ голосистой флейты его. Онъ дремлетъ въ сладостномъ усыпленїи, на темныхъ вѣтвїяхъ гнѣзда своего. —

Долгое время наслаждался я прїятнымъ зрѣлищемъ юноши, и не смѣя дышать, внималъ восхитительному голосу его инструмента. — Нѣсколько разъ хотѣлъ я броситься къ нему на шею, и прижать его къ груди моей; нѣсколько разъ покушался прервать восторгъ его восклица.

нїемъ радости, которое трудно было удержать — и наконецъ здѣлалъ лучшее — тихонько удалился въ малиновые кусты, чтобъ онъ меня не примѣтилъ и не пересталъ бы играть; — вошелъ въ темную алею; — сѣлъ на дерновую софу, и предавшись глубокой задумчивости отъ времени до времени, внималъ слѣдующїя слова прерываемые порывистыми пробами, томными адажїями, и трогающими аллеграми. —

Нѣтъ блаженства безъ любви.

* *
*

Къ удовольствїямъ, — покою,
Щастье насъ манитъ вотще;
Мы съ сердечной пустотою,
Все нещастливы еще. —
И въ природѣ и въ искусствахъ
Одного лишь ищемъ чувства,

Ищемъ щастія въ любви.

* *
*

Рощи и луга зелены,
Воды, камни, взоръ весны — —
Всѣ богатства и короны,
Пышность, слава и чины —
Всѣ природы утѣшенья,
Всѣ земныя наслажденья

Непріятны безъ любви. —

* *
*

Тутъ началъ нѣмѣть голосъ подъ сурдиною удаленія. — Благодѣтельствующій Зефиръ — еще доносилъ отрывки пѣнія — спѣшащаго погрузиться во глубинѣ рощи. —

Не блистаетъ небо ясно,
Ни сребристая луна! —
И не столь заря прекрасно,
Красотою свѣтитъ дня. —

Часъ отъ часу голосъ становился тише и постепенно умиралъ:

Какъ въ глазахъ любовью плѣнныхъ —

А потомъ еще тише:

Мило все глазамъ влюбленныхъ. —

А тамъ какъ будто дышущее эхо сквозь своды дальныхъ пещеръ — когда рогъ, вызывающій на мысу изъ кустарниковъ ловчихъ псовъ даетъ изчезающій тонъ — едва, едва лились оттѣнки сихъ словъ:

Все блаженство намъ любви.

Пѣніе изчезло — и одна сладостная Гармонія осталась въ удовольствованномъ слухѣ. —

Безмолвіе царствовавшее подъ сводами рощи освѣщаемой блѣдною луною — мечтающійся голосъ пѣсни — чувства мои расположенныя къ ея содержанію; все настроивало душу мою, къ обозрѣнію горизонта моего благополучія — гдѣ искалъ я любви составляющей сіе благополучіе. —

ПРИЗНАНІЕ.

Я нашелъ ее! — нашелъ въ сердцѣ моемъ, рожденномъ чувствовать и любить. — Такъ я обожаю тебя прекрасная Элиза, и въ семъ одномъ полагаю мое блаженство. Когда бы разрушился чинъ всея природы, когда бы море и земля преобратились въ Хаосъ, изъ котораго вышли; когда бы затмилось солнце и открылся тартаръ; съ тобою не убоялся бы я нещастій. — Съ тобою смѣялся бы усиліямъ гнѣвнаго рока — съ тобою подъ кровомъ *Провидѣнія* защитника невинныхъ, на лонѣ матери нашея *Природы*, спокойно провелъ бы я сонъ кратковременныя жизни нашея. —

Не таю предъ тобою чувствъ моихъ, обожаемая! — Виновенъ ли я въ томъ, что не хотѣлъ быть тиранномъ моея воли и моего сердца? — Но злополученъ, когда далеко увлеченный сильною страстїю я не нашелъ, чего искалъ. Не твое богатство, не твою красоту, не твое воспитанїе, не твои дарованїя, не твои уборы, — я люблю; но твое сердце — безцѣнное сердце кротости, добронравїя и добродѣтели. — Сїе добродушїе написанное во всѣхъ чертахъ лица твоего — сїи голубые глаза, которыхъ прелести глубоко въ сердцѣ моемъ напечатлѣлись сїя прелѣстная улыбка, сїи слова наполненныя благоразумїя, скромности и че-

ловѣколюбія обворажаютъ мое сердце. —

Дѣло здѣлано. Я люблю тебя милая Элиза — и хочу, чтобъ пока я живъ, пока я дышу все мое принадлежало тебѣ. — Мои чувства, мои мысли, мои бумаги. —

НѢЖНОСТЬ.

Но увы! — Поздо узналъ я тебя къ нещастію моему — съ лишкомъ поздо. Толь доброе сердце не могло быть долго не занято. Это прекрасное жилище, въ которомъ всякая душа вмѣстить бы себя пожелала. — Жилище достойное обитанія Анге-

ла; но кто обитаетъ въ немъ? — человѣкъ! — и человѣкъ не рожденный чувствовать ни такъ нѣжно, ни такъ спрастно. — Когда грудь его болитъ, онъ не думаетъ отъ прикосновенія руки твоей изцѣлиться; когда не можетъ головою, не вѣритъ что боль уймется, когда онъ потретъ виски тою водкою, (*eau de Cologne*) которую ты ему прислала; — когда ему грустно, онъ не поставитъ портрета твоего на бюро, не будетъ стоять по цѣлому часу предъ нимъ съ устремленными взорами и не будетъ прижимать его къ трепещущимъ губамъ — ахъ! я знаю, что небо вліяло такія пламенныя чувства, прямой *чувствительности* — не ему, — но

нещастнѣйшему его! я ему уступаю. — Вы говорите *Выборъ*. . . привычка; но всегда ли выбираемъ мы самое хорошее — всегда ли привыкаемъ къ лучшему? —

Прекрасная! естьли ты не рѣшилась запечатлѣть съ нимъ произволъ судьбы твоей — естьли ревность далеко завела заблудшее мое воображенiе, то почувствуй, естьли ты чувствовать умѣетъ цѣну такого сердца, которое полагая въ жизни сей единственное блаженство въ любви твоей — хочетъ жить и умереть съ тобою — соединивъ нѣжнымъ и неразрывнымъ союзомъ взаимныя чувства таковой склонности. —

Обрати только твое внимание — и примѣчай: когда вижу я тебя, какое удовольствіе разливается во всѣхъ чертахъ лица моего? — я не падаю въ обморокъ, не дрожу, не смущаюсь при взорахъ твоихъ — и потому не люблю тебя какъ любятъ, бѣшеные, которыхъ кровь кипитъ въ жилахъ какъ ключевая вода; — но моя любовь — чувствительность одна — нѣжность одна, удовольствіе въ однихъ взорахъ твоихъ — въ одномъ обращеніи съ тобою. Рука моя не дрожитъ, когда беретъ твою, чтобъ ее поцѣловать, при всякомъ моемъ прощаніи. — Я говорю съ тобою свободно, не блѣднѣю — не прихожу въ замѣшательство. Читаю

книги — и ни кому съ такимъ удовольствїемъ, какъ тебѣ. — Остановляюсь при всякомъ занимательномъ приключенїи, при всякомъ явленїи сходнымъ съ нашимъ положенїемъ, при всякой нравственной мысли. — И сколь часто нахожу ее сходною съ твоею и моею! не примѣтно летятъ листы за листами — и органъ произношенїя ни когда столь сладко, столь быстротечно не льется изъ рта моего, какъ въ то время, когда я читаю, а ты слушаешъ. — Часто провожу цѣлые вечера одинъ съ тобою — и не скучаю. — Часто, въ прїятной задумчивости души, оживленной нѣжнѣйшею дружбою склоняю голову на прислонъ софы — встрѣчаю

взоры твои моими взорами — вижу туже задумчивость пріятную, и опомнюсь не прежде, какъ голова моя склониться къ твоей, дыханіе мое смѣшается съ твоимъ — и я почувствую, что тайная симпатія влечетъ сердце мое подобно силѣ притяжательнаго камня. — (*l'aimant*)

Въ сію минуту сладостную для чувствъ моихъ, я сказалъ бы предъ цѣлымъ свѣтомъ, что Элиза имѣетъ ко мнѣ привязанность нѣжнѣйшей дружбы — но для чего сердце мое желаетъ еще чего-то болѣе — и невольный вздохъ вырывается изъ груди моей? Ты его слышишь, — можетъ быть понимаешь; не рѣдко вздыхаешь вмѣстѣ со мною — предаешься глубокой

задумчивости — и тогда прекрасные глаза твои закрываются завѣсою печали. —

ЧУВСТВІЯ.

(*Sentimens.*)

Но загадка рѣшена; ты вздыхаешь по немъ — и я нещастенъ. —

Однакожъ сіе нѣжное участіе, которое принимаешь ты въ моемъ здоровьѣ, въ моихъ дѣлахъ, сіе удовольствіе быть со мною вмѣстѣ, не ясно ли доказываетъ, что ты дорожишь болѣе мною, нежели кѣмъ инымъ? — Благосклонность ли — дружба ли — обходительность ли то; не знаю. — Знаю только, что ты ни одинъ разъ не взглянула еще на меня

безпристрастными глазами, и въ тотъ самый мигъ какъ встрѣчались взоры мои съ твоими — ты тотчасъ потупляла ихъ, и смущалась. —

Есть чувства непонятныя, которыя не рѣдко вкрадываются въ сердце противъ воли нашея. — Мы начинаемъ: склонностїю, привязанностїю — дружбою, и думаемъ питать сїи романическїя чувства по договору, который мы здѣлали съ любезною особою. Какъ вдругъ не примѣтно прелести прекрасныхъ глазъ, приманчивая наружность, и черты милаго образа, столь сильное произведутъ впечатлѣнїе въ душѣ, что она вездѣ его лишь встрѣчаетъ — имъ дышетъ, объ немъ думаетъ, — воздыхаетъ, и его

одного видитъ въ сонныхъ мечтанiяхъ; его отсудствiе дѣлается скучно; безъ него все кажется недостаетъ чего-то къ нашему блаженству. — Слѣдовательно: мы начинаемъ склонностiю — привязанностiю, дружбою — а оканчиваемъ любовiю. Часто любимъ мы прежде нежели знаемъ что любимъ; таимъ милую склонность въ изгибахъ сердца нашего — но глаза — (:*Зеркало души*:) — глаза наши намъ измѣняютъ. —

Признаюсь милая Элиза, — я давно уже читаю въ сихъ голубыхъ взорахъ томнаго унынiя, печали и задумчивости ту нѣжную привязанность, которую сердце твое къ кому-то чувствуетъ; — Давно уже не обман-

чивое *предчувствіе* меня вЪ томЪ увѣряетЪ. Но кто щастливый смертный, о которомЪ, прекрасная, воздыхаешь? — Я никого не вижу возлѣ тебя, — но твои чувства похищенны; я не встрѣчаю другихЪ взоровЪ сЪ взорами твоими; но они безпрестанно чего-то ищутЪ; не нахожу друга, кромѣ меня; но не могу поставить сей дружбы вЪ сравненіе сЪ тою привязанностію, которая кажется вЪ душѣ твоей для другаго должна оставаться. — Но время, сей благоразумный наставникЪ, рано, или поздо должно открыть мнѣ непроницаемую тайну сію. Я догадываюсь; но молчу, и сЪ терпѣніемЪ ожидаю сей щастливой минуты, вЪ которую увѣренная

совершенно въ искренности дружбы моей, ты сама признаешься, что есть нѣчто, котораго не достаетъ къ твоему благополучїю. —

О любовь! не выразимое чувство, которое природа влїяла въ сердца людей! — Здѣсь изображаю тебя слабыми чертами пера моего, водимаго нѣжностїю, вдохновенную чувствамъ моимъ тобою. — Неизчерпаемый источникъ всѣхъ удовольствїй и всѣхъ горестей въ жизни нашей! — Здѣсь съ невинною простотою бесѣдующаго съ Ангеломъ Адама, вопрошаю я, духа небеснаго, любитъ ли онъ такъ же, какъ и мы, и одними ли взорами изъясняетъ свою любовь? — —

Лучезарный Генїй, съ улыбкою оживотворившею алость небесной розы устъ его, смиренно отвѣщаетъ:,, О смертный! по что съ жадностїю возводить ты взоры свои на голубое небо и ищешь проникнуть завѣсу непроницаемыхъ тайнъ Всемогущаго?— По что дерзновенный умъ твой, старается постигать не только законы удивительныя природы, но даже сокровенныя влїянїя и чувствованїя духа, духовъ небесныхъ?"

— — *Ссго уже довольно:*
Ты вѣдаешь что мы блаженны;
и что нѣтъ,
Блаженства безъ любви. — —

"Смотр. Потерян. Рай Милт. Книга VIII на концѣ. —

ВРЕМЯ.

L' amitié l' enchaine de fleurs
L' amour lui brule une aîle. —
Vid. Chans: chois:

Умолкни стучащее колесо времени, и дай насладиться сердцу моему тѣмъ милымъ покоемъ, когда — слеза нещастнаго удержанная рукою дружбы неразлучной съ любовїю, остановляется, вися дрожащею каплею на срединѣ увядшїя щеки — когда утом-

летный земледѣлецъ опершись на руку главою, глядитъ спокойно на румяную зорю, и вдыхаетъ нѣжное вѣянїе зефира увивающаго класами близь лежащій серпъ его. — Когда путешественникъ отдыхая за кремнистыми горами — снимаетъ разодранный свой башмакъ съ опухлыя пяты, отираетъ потъ и пыль съ загорѣлаго лица своего, бросаетъ шляпу и посохъ — погружается въ сребристые волны прохладнаго ручья, и въ кроткомъ забвенїи трудовъ своихъ опочиваетъ на мягкомъ разноцвѣтномъ дернѣ береговъ, подъ тѣнїю дуба сѣннолиственнаго. —

О коль сладостны минуты покоя сего! его безмятежная

тишина вмѣщаетъ пріятное чувствованіе бывшія нашего столь неразлучное съ истиннымъ блаженствомъ въ сей суетной жизни. —

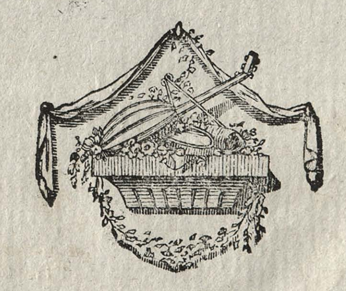
Благословляю тебя, щастливая *минута* сладостной задумчивости, кроткаго забвенія! Нахмуренное чело *злополучій* улыбнулось въ теченіи твоемъ; и душа моя занимающаяся милою мечтою, впервые увѣрилась, что *и мечты* составляютъ часть нашего блаженства. — Но гдѣ точка твоя въ кругу времени замѣченная перстомъ купидона? гдѣ ты сладостная минута задумчивости кроткаго забвенія? —

Ты пролѣтела нечувствительно въ то время, когда впер-

вые взоры мои встрѣтились со взорами Элизы. Блеснули лучи ихъ; пресѣклись — отразили милый образъ, полу закрылись черными рѣсницами, — и отбросила тѣнь его во глубину души. Новое чувство разлилось во всѣхъ жилкахъ нашего состава; мы едва дышали — молчали — и часы стоявшїе возлѣ насъ на столикѣ не смѣя прервать священной тишины сей въ удивленїи остановили стучащую свою стрѣлочку. —

О Геснеръ! дай мнѣ свое воображенїе, свое чувство — свою свирѣль — дай выразиться сердцу съ сею небрежною простотою, которая не гоняясь за вихремъ бурливыхъ словъ,

живо изображаетъ природу, трогаетъ и плѣняетъ чувства! проснись нѣжной пѣвецъ Идиллій!—— и скажи можно ли вплести въ твой вѣнокъ и мой цвѣточекъ, который сорвалъ я бродя по горамъ за твоими бѣлошерстыми овѣчками и принесъ къ тебѣ въ долину прохладную гдѣ ты подъ тѣнїю орѣшника сѣннолиственнаго покоишься сномъ глубокимъ.

ИДИЛЛІЯ.

Первый взоръ.

„Уже вечеръ прохладный „спустился съ Эфира на луга „увядшія. — Душистый запахъ „цвѣтовъ, оживленныхъ росою, „нѣжилъ природу утомленную. „Безмолвные рощи колебались „тихимъ вѣяніемъ Зефира. — „Солнце багряными лучами едва „проникало густоту зеленѣю

,, щихся вѣтвїй. Вдали горизонта ,, скалы блѣдныя высотою баш- ,, нямъ подобныя являлись позла- ,, щенными. Тучи мрачныя носи- ,, лись надъ ихъ вершинами. — ,, Глухо журчалъ источникъ про ,, текающїй въ зеленой осокѣ; ,, надъ ясною его водою вились ,, жужжащїя мухи. — Отдыхаю ,, щїе стада на дерновыхъ бре- ,, гахъ рѣчки увеселяли взоры ,, пастуха утомленнаго зноемъ ,, дня. — Онъ съ пригорка, при- ,, вѣтствовалъ вечернюю зорю, ,, прїятною пѣснїю его свирѣли. –

,, День прошелъ. — Слава ,, великому, который украшаетъ ,, голубое небо лучами солнца! ,, слава благодѣтельному, одѣваю- ,, щему холмы и долины, зеленою

„ травою питающею стада на
„ ши! — Слава сильному, кото-
„ рый разверзаетъ нѣдра горъ,
„ ліющія намъ ключи воды про-
„ хладныя, напаяющія жажду уто-
„ мленныхъ! —— Взойди, заря
„ вечерняя, взойди на голубое не-
„ бо: окропи поля наши росою:
„ оживи цвѣты сельныя и травы
„ питательныя овцамъ нашимъ;
„ дай сонъ и дреманіе пріятное
„ очамъ моимъ. — День про-
„ шелъ — взойди заря вечер-
„ няя. —

„ Кто, сія печальная красота
„ уклоньшаяся на руку главою,
„ подъ тѣнію каштановаго дере
„ ва? Бѣлая одежда ея развѣвает-
„ ся на дерновой скамьѣ, на ко-
„ торой утомленное тѣло ея не-
„ брежно покоится. — Разбро

,,санные прутики и недодѣланная корзинка лежатъ у ногъ ея. — Она гладитъ рукою собачку сѣрую, которая лаетъ на прохожаго. —

,,Куда бѣжишь ты бѣлокурый звѣроловецъ? — Ты безпрестанно гоняешся по горамъ за нашими сернами. Стрѣлы твои рѣдко покоятся въ колчанѣ. — Псы твои быстроноги; они упреждаютъ полетъ Орла когда завидуя бѣгу ихъ пускается онъ за одною съ ними добычею. — Ты имѣешь ихъ множество, а я одного — но и сего отдамъ тебѣ, когда ты исполнишь свое обѣщанїе.— Но нѣтъ; охота занимаетъ лучшїя твои помышленїя. Бѣги: Милонъ твой другъ прекра-

,, сенъ — но я не увижу его,
,, когда ты не хочешь, чтобъ я
,, его видѣла. —

,, Несправедливы упреки пре-
,, красной Эльзины. Я безпрестан-
,, но гоняюсь по горамъ. Стрѣлы
,, мои рѣдко покоятся въ колча-
,, нѣ; псы мои быстроноги; уп-
,, реждаютъ полетъ орла, когда
,, гоняются вмѣстѣ за одною до
,, бычею. Но лучшія мои помыш-
,, ленія обращены на слова пре-
,, лестной Эльзины — они от-
,, зываются въ душѣ моей, какъ
,, эхо звонкаго рога, когда съ
,, высоты скалы проходя дрем
,, лющія своды рощи, возбуждаетъ
,, оно при водопадѣ покоящагося
,, еленя. — Я помню обѣтъ мой;
,, твое знакомство съ другомъ
,, моимъ Милономъ для сердца

„моего сладостное удовольствіе.
„Я бѣжалъ теперь къ нему восхитить сердце его радостію
„видѣть прекраснѣйшую изъ дѣвъ,
„голосъ твой остановилъ меня. —
„Прости; я возвращусь съ нимъ
„вмѣстѣ.

„Нѣшъ, любезный звѣроловецъ! ты не возвратишься съ
„нимъ вмѣстѣ. — Милонъ прекрасенъ, а я — Онъ не полюбитъ меня — взоры его устремлены къ другому предмѣту — онъ будетъ смѣяться
„надъ моею тоскою. —

„Красота милая, что привлекаетъ духъ твой къ словамъ печали и сомнѣнія? —
„Кто имѣетъ такіе прекрасные,
„темнорусые, долгіе волосы,

,, распускающіеся кудрями по пле-
,, чамъ — такой румянецъ розы
,, въ щекахъ — такіе прелест-
,, ные алыя уста какъ кораллы
,, съ жемчугомъ, такую небес-
,, ную улыбку, такую грудь бѣ-
,, лую, какъ пухъ лебедя, и ска-
,, жетъ: онъ не полюбитъ ме-
,, ня? — Кто имѣетъ такіе ми
,, лые, сіяющіе голубые глаза, и
,, скажетъ: взоры его устремле-
,, ны къ кругому предмѣту? —
,, Кто имѣетъ такое безподобное
,, сердце добронравія кротости
,, и добродѣтели и такой даръ
,, быть вѣчно любезною и ска
,, жетъ: онъ будетъ смѣяться
,, надъ моею тоскою? —

,, Вершины зыблющихся де
,, ревъ потемнѣли и солнце зака-

,, тилось. — Туманъ снишелъ ,, на долину; озеро покрылось ,, синевою; птицы плещущїя ,, крылами на травянистыхъ бе- ,, регахъ его — успокоились и ,, задремали. Изъ зачернѣющихся ,, горъ выкатилось багряное полу ,, кружїе холодныя луны, предъ ,, шественницы нощи. —

,, Благопрїятный вечеръ кра- ,, сотѣ долинъ Мантуанскихъ! ,, сказалъ звѣроловецъ бѣлокурый, ,, взявши за руку Милона, и под- ,, ведши его къ дерновой скамьѣ, ,, съ которой вставала встрево- ,, женная Эльзина. — Вотъ другъ ,, мой; пускай онъ будетъ дру- ,, гомъ твоимъ. Его душа крот- ,, ка, какъ лучь вечерний; чувст- ,, ва его благородны, нѣжны и

,, голосъ его умѣетъ изображать ,, тоны прїятнаго согласїя. — ,, Вотъ другъ мой, пускай онъ ,, будетъ другомъ твоимъ. —

,,Онъ взялъ прекрасную со- ,, бачку сѣрую, за ленточьку— ,, даръ Эльзиною ему предназна- ,, ченный за исполненїе обѣта ,, его. — Взоры ее ознаменовали ,, ея согласїе — и довольный звѣро- ,, ловецъ удалился въ ближнюю ,, долину. — "

Есть существа рожденные другъ для друга. Они при первомъ взглядѣ получаютъ взаимную довѣренность, который другїе очень долго прїобрѣсть не могутъ. Звѣзда ихъ влїяла имъ одинакую наклонность чувствъ и они дѣлаются друзьями съ той

самой минуты, въ которую они познакомились. —

,, Милонъ показался Адони-
,, сомъ предъ очами восхищенныя
,, Эльзины. Взирая на него она
,, думала видѣть нѣкоторое бо-
,, жество во образѣ смертнаго. —
,, Его черные глаза подъ накло-
,, ненными бровями изливали нѣ-
,, которую томность, умягчаю-
,, щую душу нѣжную. Розовый
,, вѣнокъ осѣнялъ его власы; оде-
,, жда его показывала городской
,, вкусъ — широкій, блестящій
,, поясъ завязанный небрежно —
,, долгими изгибами перевивался
,, по волѣ вѣтровъ, ноги перепле-
,, тены были лентами. — Чер-
,, вленный Котурнъ (*) обутъ
,, былъ съ богатою застежкою,

(*) Родъ древняго башмака. —

,, на его стопы. Онъ подходитъ
,, ближе — ближе къ прекрасной,
,, смущенной, вздыхаетъ ей нѣко-
,, торую довѣренность и по томъ
,, садится возлѣ нее. —

,, Она стыдилась взглянуть
,, на него. Въ сїю минуту, силь-
,, ный богъ любови взирая съ
,, высоты Олимпа, гдѣ онъ си-
,, дитъ у колѣнъ богини матери
,, его, — расточалъ златые стрѣ-
,, лы свои въ концы вселенныя. —
,, Онъ примѣтилъ прекрасную че-
,, ту подъ тѣнїю каштановаго
,, дерева. — и улыбнулся. Бла
,, женство ихъ его утѣшало; но
,, онъ видѣлъ сколь невнимательно
,, но вращалъ колесо времени пре
,, старѣлый, крылатый Сатурнъ,
,, и уносилъ поспѣшно сладост
,, ные минуты подвластныхъ ему

,, сердецЪ, онЪ подбѣжалЪ кЪ не-
,, му, обнялЪ его рукою — за-
,, крылЪ глаза, и другою выдер-
,, нулЪ перо изЪ праваго его кры-
,, ла. — Оно опустилось и ко-
,, лесо времени стало. — "

Это было вЪ то самое вре-
мя, какЪ часы стоящїе близъ
насЪ на столикѣ остановились.

,, Эльзина еще стыдилась
,, глядѣть на Милона. — ИзЪ
,, очей его излѣтало нѣчто та
,, кое чего она боялась. Прекра
,, сный пастухЪ молчалЪ, скло-
,, нивЪ главу его увѣнчанную.
,, ОнЪ чувствовалЪ замѣшатель-
,, ство обѣихЪ; но не могЪ по-
,, мочь. — ХотѣлЪ говорить;
,, но мысли его далеко улета-

„ли. — Наконецъ онъ взялъ ее
„руку; сердца ихъ затрепе-
„тали. —

„Они взглянули другъ на
„друга — съ тою умильностїю,
„которая предоставлена существамъ
„вамъ предопредѣленнымъ звѣз
„дою, при ихъ рожденїи. Мельк-
„нули взоры ихъ, какъ лучи
„раждающагося утра; и соеди
„нили души ихъ въ одно мгно-
„венїе ока. — Живѣйшїй румя-
„нецъ разлился въ ихъ щекахъ.--
„Уже знали они себя, понима-
„ли — и прїобрѣли нѣжную до
„вѣренность. Удовольствованныя
„чувства ихъ, плѣненныя сами
„собою остались въ кроткомъ
„забвенїи задумчивости; очи
„ихъ полузакрылись черными

,,рѣсницами, они едва дышали и
,, молчали. — "

Взоры первые! взоры милые! — Сколь блистателенъ огнь вашъ, излетающій въ души плѣненныхъ! — Вамъ посвящаю пѣснь сію. — Вы, которые вселяете довѣренмость двумъ незнакомымъ, которымъ судьба назначаетъ тѣсный союзъ съ перваго сіянія вашего. — Пребудьте мнѣ благосклонны; вселяйте въ сердце мое томную нѣгу, въ которой чувства засыпаютъ на мягкомъ лонѣ безмолвныя задумчивости. — Взоры первые! взоры милые! вамъ посвящаю пѣснь сію· пребудьте — мнѣ благосклонны. — "

Но мы не сидѣли на дерновой скамьѣ подъ тѣнію каштано

ваго дерева — а на креслахЪ — Мы не были двое щастливыхЪ пастуховЪ вЪ объятiяхЪ природы — и вкушали такое блаженство, котораго никакое воображенiе золотаго вѣка представить не можетЪ. КупидонЪ не смотрѣлЪ на насЪ и не заслонял глазЪ Богу времени, однакожЪ часы остановились. —

Чего не доставляетЪ слѣпой случай, и чего не приноситЪ сЪ собою бѣгущее время! —

Никогда не забуду я тебѣ минута сладостнаго покоя, вЪ которую сидѣли мы сЪ тобою, Элиза, двое безЪ свидѣтелей, и когда взоры наши послѣ первой встрѣчи закрылись черными рѣсницами между тѣмЪ, какЪ часъ

остановились — не смѣя прерывать священной тишины нѣмыхъ, но выразительныхъ чувствованій! — О какъ душа моя была тогда въ мирѣ совсѣми предмѣтами ея окружающими! — какая минута для ближняго, которй проситъ отереть слезу его горестей! —

Я прервалъ молчаніе. —

„Амуръ же прикорнувъ на столикѣ къ часамъ,
„Приставилъ къ стрѣлкѣ перстъ, (*) и стрѣлка не вертится.“

Къ статѣ, примолвила Элиза, улыбнувшись, часы стали. —

Время нечувствительно проходитъ съ любезнымъ предмѣтомъ. — Оно всегда кратко

(*) Смотри и мои безделки.

для свиданія съ милою особою, которою дышетъ сердце. Часы увѣнчанные розами дружбы мелькаютъ непримѣтно; и минуты едва шепчутъ подъ миртами улыбающейся *Любови*.

Пускай, друзья мои, когда я здѣлаюсь раскащикомъ — узнаете вы мое знакомство съ Элизою — мои посѣщенія, мою любовь — все то, что можно будетъ сказать только въ моихъ похожденіяхъ, или въ романѣ, который скоро выдетъ въ свѣтъ подъ названіемъ *Молодый человѣкъ*. А теперь мысли мои текутъ отрывками — безпорядочно.

Подъ голубымъ сводомъ неба освященнымъ слабыми лучами луны блѣдныя, я взираю съ

высоты балкона на дремлющія воды — мрачныя дерева шумящія на берегахъ одѣтыхъ сѣрымъ камнемъ горъ Олонецкихъ, Дикая пустыня въ сердцѣ моемъ и одна задумчивость влечетъ умъ мой въ свои спокойные предѣлы.

СУДЬБА.

Я удивляюсь, какъ можно здѣлаться скорѣе, знакомымъ, другомъ, а потомъ любовникомъ, естьли бы не было предопредѣленія, естьли бы сердца наши, Элиза, не были сотворены другъ для друга. — Мнѣ кажется, что премудрая природа назначаетъ заранѣе для каждаго своего существа другое существо

по сердцу, по мыслямъ, по нраву. — Но разнообразность сторонъ, климатовъ, государствъ, различїе вѣры, законовъ, неравенство состоянїя и прочїя своенравїя слѣпаго случая — нерѣдко поставляютъ два такїя существа на краю противуположенныхъ полюсовъ. — Щастливы, когда они сойдутся вмѣстѣ, вкушать взаимное блаженство удовольствованной любви; — но сколь часто видимъ мы людей, которые уносятъ хладъ въ сердцѣ своемъ къ тѣнямъ гроба, не потому, чтобъ они были не чувствительны, но потому, что они не нашли того любезнаго предмѣта по сердцу своему, который природа имъ предназначила. — Да и можно ли полу

мать, что бы человѣкъ, когда нибудь былъ созданъ для *одиночества* въ мірѣ!

ПУСТЫНЯ.

Чувствительность! сладостный бальзамъ для сердца жизнію веселящагося! съ тобою и въ пустынѣ дикой, нашелъ бы я чѣмъ питать душу мою: — Я ходилъ бы въ пещеры темныя, слушать свистъ вѣтра бурнаго, стоялъ бы подъ дугою гремящаго водопада, когда багровая луна, мелькнетъ умирающимъ лучемъ въ кипящихъ ключахъ водъ его, и когда осѣнняя ночь простираетъ черныя крылѣ свои надъ голою скалою. Пробѣгалъ

бы дикїе терны и пески — любовался бы извивистыми кольцами златочешуйчатыхЪ змїй, — внималЪ бы безтрепетно сЪ высоты холма катающїйся громЪ вЪ долинѣ — когда пламенная молнїя пробѣгая сгущенный эфирЪ заставляетЪ блѣднѣть горизонтЪ-взиралЪ бы безбоязненно изЪ подЪ разсѣдинЪ мшистыхЪ каменей, на лѣтящїй страшный перунЪ — сЪ трескомЪ раздробляющїй вершины гордыхЪ соснЪ и дубовЪ, и разсѣкающїй толстые, дебелые пни ихЪ до самаго корени. УжасЪ природы мечтался бы прїятно вЪ умѣ моемЪ — когда погорѣлые луга и дубравы, сокрушенные землетрясенїемЪ горы и башни, представляли бы очамЪ моимЪ страшный

видъ развалинъ — гдѣ эхо издавало бы глухой тонъ, на голосъ восклицаній моихъ. — И тамъ бы пѣлъ я въ дикомъ безмолвіи мрачныя дубравы — *Задумчивыя пѣсни унынія* — пѣсни Осіановы, толь любезныя духу моему, когда онъ обремѣняется печалію. —

Пріятно мыслямъ нашимъ перелетать въ страны ненаселенныя и отдыхать въ пустынѣ. — Часто жестокость людей, вѣроломство, обманы, коварства, убійства, неправосудіе, зависть, хладнокровіе выгоняютъ чувствительное сердце изъ общества — или дѣлаютъ его столько недовѣрчивымъ, что оно боится дѣлить привязанность чувствъ своихъ ни съ какимъ предмѣ-

томъ. — Все ему чуждо — все скучно. — Гдѣ же искать ему отрады, какъ не въ уединенїи? — Гдѣ отдыхать ему угнѣтенному бременемъ преогорчительнаго свѣта, какъ не подъ кровлею какой нибудь бѣдной хижины землледѣльца, куда око суетности проникнуть не дерзаетъ? — Богоподобный Цинцинатъ (*) ты показалъ примѣръ сей собою. — Ты отложилъ блескъ жезла Диктаторскаго, и промѣнялъ его на сельскїй посохъ. — Ты пренебрегъ градъ пышный, гдѣ роскошь сїяющая златомъ и серебромъ обременяла тѣло твое — и пошелъ искать блаженства твоего на поляхъ удобренныхъ рукою приро-

(*) Смотри Римскую Исторїю.

ды. — Ты промѣнялъ свои чертоги на прохладную и спокойную тѣнь сѣннолиственнаго дуба. —

МЫСЛИ.

Но доколѣ дышетъ тобою сердце мое, Элиза, я не престану любить родъ человѣческій со всѣми его слабостями и пороками. — Доколѣ въ глазахъ твоихъ буду читать мое блаженство, не престану быть въ мирѣ съ собою — въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ. —

Но для чего столь лестная мечта увлекаетъ умъ мой и сердце! — знаетъ ли Элиза, что я вздыхаю по ней? — Думаетъ

ли она простосердечная, что бы подъ видомъ дружбы, укрывалась любовь! нѣтъ, я не скажу ей, что я страстно въ нее влюбленъ — что я терзаюсь день и ночь сомнѣнїемъ, — и что давно уже вызываю на поля воздушныя моего соперника, дерзнувшаго овладѣть сердцемъ моей царицы Микомиконской (*), которой сердце никому правильнѣе, какъ мнѣ принадлежать не должно. — Часы милые, которые провожу я съ нею превратятся въ скучную осторожность — довѣренность при сихъ словахъ свернется, подобно какъ свертывается распустившаяся роза по захожденїи солнца, а я за большимъ гоняясь, потеряю малое. —

(*) См: Дон - Кишотъ.

Но любить и бѣгать любви два дѣйствїя со всѣмъ между собою несогласныя. Какъ думать всегда обожать, и никогда въ томъ не признаться? — Это будутъ безплодные романическїе вздохи, которые недостойны вмѣщаться въ груди моей — они не согласны ни съ какою здравою мыслїю на реэстръ самаго разборчиваго ума. —

„Я рѣшился, или все потерять, или все выиграть; сказалъ я взявши шляпу и палку.

Теперь прости милая Элиза, до радостнаго вечера, въ которой я тебя увижу. — Я видѣлъ чей-то вензелъ на окошкѣ — усѣянный блестками сребристаго

мороза. — Я не хочу живЪ быть, естьли это не его вензелЪ. . . . Тайна кажется открылась. Предчувствїе меня не обмануло. — Но бояться нѣчего. Это мечта, которую непремѣнно надобно истребить изЪ мыслей толь любезной особы. Сердце ея не можетЪ быть нечувствительно кЪ склонности, столь долго, сколь долго я рѣшился ей нравиться.

Нѣжныя старанїя, ласки, угожденїя, благородныя чувства, постоянство, пламенная любовь, скоро предЪ глазами *Розы* дѣлаютЪ любезнымЪ и самаго *Азора*. —

Еще разЪ прости, красота задумчивая, до радостнаго вечера,

вЪ которой тебя увижу и скажу вЪ глаза: „Я люблю тебя—„люблю тебя, милая Элиза!—“

КонецЪ первой части.

